

**SPEECH BEHAVIOUR OF AN ELITE
LINGUISTIC IDENTITY
(ON THE MATERIAL OF LETTERS OF
O.P. FLORENSKY)**

E.A. Kosykh, Candidate of Philology, Associate Professor
Altai State Pedagogical University, Russia

Every person able to speak and write is realised as homo loquens, homo scribens, homo audiens. The realization of verbal abilities takes place in communicative situations. The ability to generate texts demonstrates the level of the language personality, and the choice of language means predetermines the type of speech behaviour of a person. The study of the elite linguistic identity allows improving one's own speech skills through the description of strategies and tactics of the recipient's speech behaviour. In our paper, this «measure» is the speech behaviour of P.A. Florensky, represented in the letters of the early XX century and the last years of life of the educator, priest, mathematician, philosopher, and scientist.

Keywords: elite linguistic identity, speech work, verbal behaviour, communication, competence.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

**РЕЧЕВОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЭЛИТАРНОЙ
ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ
(НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ
О.П. ФЛОРЕНСКОГО)**

Косых Е.А., канд. филол. наук, доцент
Алтайский государственный педагогический университет,
Россия

Каждый человек, умеющий говорить и писать, реализуется как homo loquens, homo scribens, homo audiens. Реализация речевых способностей протекает в ситуациях общения, коммуникативных ситуациях. Способность к порождению текстов демонстрирует уровень языковой личности, а выбор языковых средств предопределяет тип речевого поведения человека. Изучение элитарной языковой личности позволяет совершенствовать собственные речевые умения через описание стратегий и тактик речевого поведения реципиента. В нашей статье таким «мерилом» является речевое поведение П.А. Флоренского, представленное в письмах начала XX века и в последние годы жизни учителя, священника, математика, философа, учёного.

Ключевые слова: элитарная языковая личность, речевое произведение, речевое поведение, коммуникация, общение, компетенции.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i14.1680>

Современная филология активно исследует процесс порождения текста носителями языка, реализацию языковой и речевой способности человека, а также проявление коммуникативных качеств в речевом и коммуникативном поведении homo loquens, homo scribens, homo audiens и т.д. Основным объектом исследования является именно человек как языковая личность во всём его разнообразии проявления и реализации речевых навыков в коммуникативных ситуациях. Порождение речи и – в процессе общения – речевых произведений является характерной особенностью homo sapiens и мерилом его уровня владения языком. Исследования Т.Г. Винокур, Е.А. Зимней, В.И. Карасика, Ю.Н. Караулова, К.Ф. Седова, И.А. Стернина, Н.И. Толстого, М.Ю. Федосюка, Н.И. Формановской и других позволяют представить речевую деятельность человека говорящего (добавим – и пишущего) с точки зрения структуры, содержания, функциональной направленности, стратегии и тактики и т.п. Основным материалом описания становится речевое произведение языковой личности в том понимании, в котором представил её Ю.Н. Караулов.

Дискурсивная деятельность языковой личности многоаспектна с точки зрения исследователя языка и речи. Однако важным при изучении речевой деятельности человека становится именно речевой акт и его результат или составляющая – речевое произведение, которое в полной мере, по нашему мнению, демонстрирует языковую, речевую и/или коммуникативную компетенцию адресанта. Оговоримся, что рассмотрение речевой и коммуникативной компетенций как синонимичных понятий вслед за И.А. Стерниным и Ю.Е. Прохоровым считаем допустимым и обоснованным, поэтому придерживаемся именно такого понимания означенных терминов.

Речевое поведение, по мнению исследователей, обусловлено как собственно лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами и выражается вербальными, невербальными и паравербальными средствами. В целом, понимая под речевым поведением сложное явление, обусловленное местом и временем рождения человека, семейной и национальной культурой и т.п. и реализуемое в определенной коммуникативной ситуации посредством устного или письменного

речевого произведения, направленного на достижение коммуникативных целей и задач, уточним, что создание речевого произведения обусловлено выбором языковой личностью единиц языка и речи определённой стилистической окрашенности.

Общение и коммуникация, по мнению некоторых исследователей, не одно и то же. **Общение** – сложный многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми, порождаемый потребностями совместной деятельности и включающий в себя обмен информацией, выработку единой стратегии взаимодействия, восприятие и понимание другого человека [Краткий психологический словарь]. Этот сложный процесс включает три составляющие: *коммуникативная сторона* общения (обмен информацией между людьми); *интерактивная сторона* (организация взаимодействия между индивидами); *перцептивная сторона* (процесс восприятия друг друга партнерами по общению и установление взаимопонимания).

Коммуникация, чаще всего как составляющая общения, осуществляется в тех видах общения, которые предполагают прагматические цели и кон-

структивность решений, и готовность каждого партнера к адекватному поведению. А.П. Панфилова различает пять видов коммуникации: познавательную, убеждающую, экспрессивную, суггестивную, ритуальную. Для каждого из них характерны свои цели и ожидаемый результат, условия организации, а также коммуникативные формы и средства [Панфилова, 2004].

Создание речевых произведений в коммуникативной ситуации и – шире – ситуации общения связано, как считают исследователи, с тремя сторонами речевого общения: интерактивной, коммуникативной и перцептивной. Адресант и адресат, включённые в процесс обмена информацией, передачи эмоционального состояния, настроения, должны вступить, и вступают, в такие отношения, которые подчёркивают, выявляют и, возможно, способствуют совершенствованию коммуникативной компетенции, которая, по мнению К.Ф. Седова, позволяет определять уровень речевого поведения человека пишущего и человека читающего [Седов, 2000].

Ставя возможность «построения» дискурса в зависимость от уровня коммуникативной компетенции с учётом стратегии и тактики языковой личности в процессе общения, вероятно, можем, следуя точке зрения К.Ф. Седова, определить тип языковой личности и тип речевого поведения и адресанта, и адресата [Седов, 1996, 2001]. Ситуация общения требует от коммуникаторов в первую очередь реализации интерактивности и перцептивности, особенно в процессе порождения письменной формы речи, когда собственно коммуникативность отнесена темпорально, является опосредованной.

Речевое поведение языковой личности в современной лингвистике рассматривается с разных сторон: описывается интеракция коммуникаторов в различных ситуациях общения (ссора, конфликт; экзамен, лекция; разговор на улице, в магазине; встреча, прощание; свадьба, похороны и т.п.), т.е. коммуникативные ситуации бытовые, событийные, ритуальные, обрядовые и т.п.; исследуется языковая

и речевая составляющая таких интерактов; рассматриваются стратегии и тактики участников коммуникации и т.д. При этом основное внимание уделяется устным формам дискурса. Для нас же важно изучение речевого произведения как зафиксированного, специально созданного для ситуации общения текста. Ценным материалом для исследования коммуникативных свойств личности, её речевой способности, речевого поведения могут послужить, например, письма как результат речевой деятельности человека думающего.

Именно речевые произведения эпистолярного жанра, по нашему мнению, достаточно полно отражают способность языковой личности к коммуникации, общению, особенно в тех случаях, когда адресант находится в особых условиях, например, ссылки, заключения, т.е. изоляции от адресатов.

Примером такой языковой личности служит Отец Павел Александрович Флоренский.

Изучение коммуникации посредством письма, эпистолярных речевых произведений, в целом системно вписывается в известную схему Р.О. Якобсона [Якобсон, 1975] и включает: адресанта и адресата, между которыми обязательно реализуется контекст и ситуация (считаем существенным подчеркнуть, что ситуация – коммуникативная) через сообщение (текст). Коммуникация в нашем случае основывается на опосредованном контакте пишущего и читающего, что находит выражение в определённом коде (языке), который является общим для участников дискурса. В нашем случае коммуникативная ситуация в общей картине общения может рассматриваться как ассиметричная или полисемантическая, так как адресант постоянный (П.А. Флоренский), а адресатами являются члены семьи учёного: мать, сестра, брат, жена, дети.

Речевая деятельность О.П. Флоренского может рассматриваться как полидискурсивная, так как отражает реализацию языковой личности в научной, педагогической, религиозной и бытовой сферах. Существенно под-

черкнуть, что совмещение единиц различных дискурсов можем наблюдать в рамках одного речевого произведения П.А. Флоренского.

Многоплановая и разнообразная речевая деятельность представляемого учёного включает несколько этапов (независимо от формы сообщения – устной или письменной), и, как коммуникативный акт в целом, преследует определённую цель и мотивы, которые ориентированы на результат – коммуникативную удачу.

Именно в письмах разворачивается особый тип речи, характерный, в частности, для П.А. Флоренского – диалогичный монолог или диалог в монологе: вопросно-ответная форма письменных текстов о П. Флоренского «усугубляется» отнесённостью во времени, экспектацией, связанной с локализацией адресанта, его социальными условиями существования в тридцатые годы XX века: «Вероятно, ты хочешь знать, что я делал в последнее время. Работал в лаборатории, как в нашей иодпромвской, так иногда и в центральной,..» /1935. No 6. 2-9 января, А.М. Флоренской¹ или фрагмент письма сыну Мике, с комментариями наших современников, опубликованный на сайте «Образование и Православие» от 21.08.2009 г.: ««Дорогой Мик, вот тебе загадка: какая фамилия одного учёного пишется с тремя мягкими знаками? Другой вопрос: какого цвета хлорофилл? Третий вопрос: когда Россия собиралась присоединить к себе Англию? Как-то ко мне обратился с вопросом один (увы!) мой бывший ученик и спросил: «Было два Спинозы, один Барух, другой Бенедикт. Который же из двух был особенно замечателен?» Можешь ответить мне не писать, а скажи их мамочке»». [Режим доступа: <http://www.orthedu.ru/news/245-vstrecha-pronizannaya-razlukami-otec-pavel.html>].

Письменная форма речевого произведения позволяет подходить к письмам вообще и письмам П.А. Флоренского в частности как тексту, в содержании которого закреплена, зафиксирована определённая коммуникативная ситуация, отража-

¹ Отсылка к дате написания письма сохраняется в том виде, в котором она приводится в источнике.

ющая и «локус», и «темпус», и «агент-тов». К сожалению, приходится согласиться с К.Ф.Седовым, писавшим о том, что подробный анализ любой коммуникативной ситуации выходит за рамки статьи в связи с получаемым серьёзным объёмом исследования. В нашей статье также анализ речевого поведения о. П. Флоренского, вероятно, будет неполным, представлен фрагментарно.

Описывая речевое поведение homo scribes, обратимся к теоретико-практическим исследованиям К.Ф. Седова, С. Эрвин-Трипп, И.А. Стернина и других учёных. Представляя П.А. Флоренского как элитарную языковую личность, подчеркнём его способность полностью реализовывать принцип доступности речи, достигающийся чётко выбранными и выработанными речевыми стратегиями общения. Элитарность проявляется в высокой способности владения и применения различных стратегий и тактик, например, описанных К.Ф. Седовым [Седов, 2000].

Изучив письма П.А. Флоренского 1903, 1907, 1934, 1935, 1937 гг., можно отметить, что речевое поведение реципиента связано с поликультурной средой, разнообразием интересов адресанта и адресатов, в первых двух случаях (письма начала XX века) связанных с возможностью профессиональной деятельности на свободе, а в тридцатые годы XX века – в ссылке (см. рассуждения на эту тему в письме к А.М. Флоренской от 5-7 ноября, 1934. – Режим доступа: <http://www.ihst.ru/projects/sohist/papers/priroda/1993/11/30-42.pdf>).

Речевое поведение адресанта по отношению к адресату остаётся постоянным. Например, как мы уже отмечали [Косых, 2011], из 14 писем П.А. Флоренского к матери только в одном отсутствует обращение, которое в других случаях представлено этикетными формулами «дорогая мамочка» и «дорогая моя мамочка», в то время как финальные текстовые выражения, обязательно

содержащие слово «целую», варьируются: «Целую тебя, моя хорошая» /19-21 /I–03г., Москва²; «Целую тебя, дорогая мамочка. Сейчас ухажу, так что надо отнести письмо. Твой П.» /19–7/I–03, Москва/; «Целую тебя, дорогая мамочка. Прости, что пишу мало так: я тороплюсь на лекции. Твой П.» /19–31/I–03, Москва/; «Целую тебя, дорогая мамочка, и вас всех. Твой П.» /19–4/III–03, Москва/ и т.п. Обращение к адресату является обязательной этикетной нормой речевого поведения П.А. Флоренского: «дорогая моя Аннуля», «Дорогая Аннуля» (к жене), «дорогая Олечка», «дорогой Васюша», «дорогой Кирилл», «дорогая Тика», «дорогой Мик» (к детям).

Обращение, называющие адресата, в структуре текста письма выделяется в качестве обязательного элемента, как и подпись, т.е. указание на адресанта. Причем адресант заявлен в виде сочетания слов различной частеречной принадлежности с аллонимом имени Павел или его гипокористической формой: «Твой П.» (из писем матери); «Твой Павля» (из писем брату и сестре), что свидетельствует о регулярном речевом сотрудничестве коммуникаторов; «...пиши и не забывай своего папу», «Твой папа» (из писем к детям) как указание на социальный статус и отношения с адресатами. Существенно подчеркнуть, что выбор подписи обусловлен экстралингвистическими факторами: в письмах с Соловков употребляется только формула «П. Флоренский» или «Твой папа», тогда как в ранних текстах писем наблюдаем разнообразие подписей (см. выше).

Эти «правила следования», по терминологии С. Эрвин-Трипп, подчёркивают не только высокий уровень владения реципиентом этикетными формулами, его воспитанность, но и демонстрируют общий поведенческий уровень личности. Т.А. Чеботникова пишет: «Попадая в условия социального, культурного, эмоционального, психологического дискомфорта или в ситуации коммуникативной

инверсии, личность демонстрирует способность использовать заложенные в ней защитные механизмы, изменять свой образ, выдавать себя за другую, то есть исполнять роль-маску и предьявлять образ-маску, средством создания которых является прежде всего соответствующее оформление речевого поведения.» [<http://www.dissercat.com/content/rechevov-povedenie-lichnosti-v-sisteme-formirovaniya-sotsialnogo-obraza-na-materiale-khudozh#ixzz4IPAVbY31>]. В случае с о. П.А. Флоренским хочется особо подчеркнуть: полное сохранение личности без изменения роли-маски в текстах писем к родным. При этом культура речевого поведения реципиента не меняется от социальных условий и условий, в которых коммуникативная ситуация осуществляется.

Письменная речь П.А. Флоренского демонстрирует поведение воспитанного, образованного человека, традиции и культура семьи которого требуют уважительного отношения к близким, заботу о них, выраженную вербально: «Как идут дела детей в гимназии?» /19–8/III–03, Москва/; «Напиши, пожалуйста, как ты и папа думаете относительно Лили...» /19–4/III–03, Москва/; «Поправился ли Шура?» /19–4/II–03/; «Посылки я получил, но мне больно думать, что ты из-за них лишаешь нужного детей и себя.» /1934. XII.13. Соловки. № 4/, «Меня беспокоит твоя голова, постарайся принять меры, чтобы головные боли прекратились». /1934. XII.7. Соловки / и т.д. При этом следует подчеркнуть, что в коммуникации между близкими людьми, по мнению П.А. Флоренского, должны реализовываться доверие, искренность, правдивость, которые нередко могут быть высказаны «определённым тоном», жёстко и уверенно: «Прости за резкий тон, но, я думаю, лучше знать настоящее мнение друг друга и не создавать о нем себе иллюзий, чем всегда и во всем смягчать тона и затушевывать контуры. Если есть разница, то пусть она сознается. Только при со-

2 В дальнейшем тексте статьи некоторые примеры взяты из опубликованных ранее материалов: Косых Е.А. Воспитание словом (Речевой портрет П. А. Флоренского) [Текст]., Е.А. Косых., Философско-педагогические аспекты воспитания: теория и методика : материалы научно-практической конференции / под ред. С.А. Ан. – Барнаул., АлтГПА, 2011. – 406. – С. 198 – 205. – для сопоставления речевого поведения реципиента в разных социальных условиях.

знаваемых различиях возможно примирение, а не перемирие» /из письма матери, 19–21/І–03, Москва/.

Существенно подчеркнуть, что в речевом поведении, которое просматривается и в неэпистолярных произведениях П.А. Флоренского, отражаются и такие черты личности, как тактичность и научная «скромность» или деликатность, которые в ситуации общения выступают как интерактивность или интеракция – обязательное условие научного поведения описываемой нами языковой личности. Так, в письме к семье из Соловецкого лагеря от 8–10 апреля 1936 г. о трактате «Имена», П.А. Флоренский подчёркивал: «Об имени для Васи и Наташи я не писал, потому что меня не спрашивали, а навязывать свое мнение не хочу. Очень трудно об этом вопросе говорить вообще, не конкретно...» /цитируется по: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/florensk/floren03.htm/>. «Навязывание» своего мнения, характерное для конфликтно-агрессивного подтипа речевого поведения (по классификации К.Ф. Седова) не свойственно текстам П.А. Флоренского. Для него важна инициатива адресата, которому необходим контекст имени и речевое поведение которого будет находиться на уровне экспектации актуальной для обоих (адресанта и адресата) информации. Однако следует отметить, что в текстах писем к сестре, брату, и особенно – к детям и советам, и рекомендации, причём нередко настоятельно-обязательные, как правило, присутствуют и носят дидактический, менторский характер: «...Старайся наблюдать, как выходят из земли растения, и как они растут, и как построены. Для наблюдений лучше всего делать зарисовки: размотри в увеличительное стекло и нарисуй, что увидишь в крупном размере...» (из письма к дочери Тике, цитируется по: <http://www.spas-news.ru/biblioteka/zapiski-svyashhennika/opavel-florenskij-pisma-iz-lagerej-k-seme.html>), «...Советую тебе собирать генеалогические сведения; когда прочтешь где-нибудь или услышишь, то записывай отрывочные сведения. Лучше всего записывать на лоскутках, но чернилом, а не карандашом, и складывать их сперва по алфави-

ту» (из письма к дочери Ольге, цитируется по: <http://www.spas-news.ru/biblioteka/zapiski-svyashhennika/opavel-florenskij-pisma-iz-lagerej-k-seme.html>),).

Речевое поведение, реализуясь через речевое действие, обязательно имеет цель, которая может заключаться в ознакомлении адресата с идеями, позицией, намерениями адресанта, его положением, состоянием (физическим, моральным и т.п.). Например, в письмах к сестре, матери П.А. Флоренский делился мыслями и впечатлениями о прочитанных статьях, книгах, научных открытиях: «*Был на днях на заседании физического общества. Теперь только и говорят, что об “электронах” и “ионах”, “ионах” и “электронах”...*»; «*Прочла ли ты мою статью? Если да, то напиши, очень ли недовольна ты, хотя там, как я писал уже, много изменено против моей рукописи...*» /из писем матери, 19–17/ІІІ–03, Москва; 19–21/ІХ–03/; «*Ты пишешь о «пьяности» на горных высотах. I О той же пьяности Богом говоришь и в одной из статей...*» /из письма О.А. Флоренской П.А. Флоренскому, 15-го февраля [карандашом: 1907]. / В письмах к жене – заботами и размышлениями о детях: «...*А своих детей я воспринимаю настолько изнутри, каждого как качественно отличное от другого, что не могу считать и не могу сказать, много ли их или мало... Каждый из детей незаменим и единствен, и потому их не много и не мало, им нет счёту.*»

/ из письма жене, 1936. XII.10–11/ Соловки / или «*Мне очень грустно, что ты чувствуешь себя так неспокойно, а я ничем не могу помочь тебе. Постарайся притти в равновесие, подумай о наших детях. Ведь на них твое состояние не может не отражаться вредно, а между тем домашние впечатления в их возрасте определяют душевную жизнь не только в данный момент, но и на всю жизнь. Пусть же будет у них на душе ясность и спокойствие, дай ты им это.*» /из письма жене, 1934. XII.19. /Соловки/.

В письмах к детям проявляется ответственность отца за воспитание, образование и благополучие детей: «*Дорогая Олечка, я пишу тебе совершен-*

но серьезно и требую, чтобы ты была благоразумна и заботилась о своем здоровье» (из письма к дочери Ольге, цитируется по: <http://www.spas-news.ru/biblioteka/zapiski-svyashhennika/opavel-florenskij-pisma-iz-lagerej-k-seme.html>),) или «*Дорогой Мик, вот ты уже какой большой, даже рычаги проходишь. Сообрази-ка, рычаги какого рода представляют наши руки и ноги. Какое из семейств растений тебе нравится больше всего.*» (из письма к сыну Мику, цитируется по: <http://www.spas-news.ru/biblioteka/zapiski-svyashhennika/opavel-florenskij-pisma-iz-lagerej-k-seme.html>) или «*Эти дни я употребил время на продолжение работ по использованию аппарата, который описывал тебе ранее, а также на другую работу—по производству нитрита натрия, т.е. азотистокислого натрия, NaNO₂, т.к. у нас не хватило его в производстве иода, а получить с материка сейчас невозможно.*» (из письма к Мику, 1935.ІІ.4 / Соловки).

Поскольку, как известно, речевая деятельность не существует сама по себе, а сопровождается другие виды деятельности, необходимо отметить, что письменные тексты П.А. Флоренского вписываются в различные дискурсы и характеризуются как многоцелевые. Под коммуникативной целью пониманием экспектацию участником коммуникации желательного для него результата общения, направленность сознания на положительный/ позитивный результат, надежда на коммуникативную удачу. Цели общения и коммуникации, как видим из писем П.А. Флоренского, – образовательные, дидактические, воспитательные, информативные, суггестивные, стимулирующие к действию и др. Например, сестре он писал: «*Отсутствие вкуса к чему-нибудь идеальному, полная невыдержка, неумение и нежелание работать хотя бы в какой-нибудь области, вульгаризация во всех смыслах – одним словом, мерзостная горьковщина...*» /19–7/ІХ–03, Москва/;

детям: «...*Цели ли мои внуки-куклы? Если целы, то скажи им, что я помню их и прошу слушаться свою маму, а мою дочку, которую зовут Тика, она же Маши.*» /1934.XII.16 [№ 5], Соловки/ или «*Сообщаю тебе*

наблюдение, сделанное мною и, кажется, в литературе не отмеченное; оно полезно для минералогии и дает хорошую аналогию александри-ту...» (из письма к сыну Кириллу, 1934. XII.13, Соловки).

Манипулятивный характер речевого поведения в таких случаях определяется установкой адресанта на научение, стимуляцию активной познавательной деятельности адресатов. Являясь исследователем, учёным, П.А. Флоренский стремился к тому, чтобы его дети воспринимали окружающий мир как возможность к саморазвитию, познанию и совершенствованию: «*Напиши, прорастут ли посаженные растения — ландыши, майники, орхидеи, папоротники? Не погибли ли в грунте зимою примулы? Когда будете ходить гулять, то старайтесь каждый раз приносить из лесу хоть немного растений с корнями, чтобы насадить их дома... Хорошо бы запоминать также различные легенды и рассказы о каждом растении — это может тебе сообщить мама.*» (из письма к дочери Тике, цитируется по: <http://www.spas-news.ru/biblioteka/zapiski-svyashhennika/opavel-florenskij-pisma-iz-lagerej-k-seme.html>).

Именно таким характером речевого поведения обусловлено нередкое использование П.А. Флоренским императивных конструкций, лексем «требую», «необходимо», «надо» и т.п. и в письмах к матери, и к жене, и к детям: «*Надо Олю беречь*», «*Ей непременно надо помогать в уроках*», «*Постарайся вовлечь детей в игру*», «*Пусть Вася и Кира показывают детям минералы...*» (жене); «*Узнавай названия растений, семейство, к которому принадлежит то или другое растение...*», «*Ты должна верить опыту жизни...*», «*Но дело вашей активности восстанавливать конкретные штрихи ото всех понемногу...*» (детям) и т.д. (примеры цитируются по: <http://www.spas-news.ru/biblioteka/zapiski-svyashhennika/opavel-florenskij-pisma-iz-lagerej-k-seme.html>).

Одной из внешних целей адресанта всегда становится желание коммуникативной удачи, результативного интерактивного общения с

перцепцией. Именно поэтому речевая компетенция или способность к текстопорождению рассматривается как основная составляющая языковой личности. Под речевой компетенцией, как правило, понимают владение основными законами функционирования родного языка и речи и способность к их использованию в процессе коммуникации при создании речевого произведения. На наш взгляд, этот структурный компонент напрямую связан с уровнем владения языком и речью говорящего и/или пишущего.

Высокий уровень образованности, владение разными языками, состояние когниции (независимо от места «дислокации» П.А. Флоренского) позволяют говорить об активном речевом поведении и потребности реципиента к коммуникации и перцепции. Тексты писем позволяют представить П.А. Флоренского с точки зрения носителя языка высокой элитарной культуры, вербализация целей коммуникации и общения которого, по терминологии Дж. Мида, во многом способствует реализации именно межличностной коммуникации. Подтверждением этому может служить лексический и грамматический анализ текстов писем П.А. Флоренского.

Лексикон, представленный в исследуемых материалах, демонстрирует полную языковую компетенцию автора писем, поскольку содержит:

а) **узуальную (русскую/славянскую) лексику**: «*Конечно, почти ничего за это время я не успел сделать, разве только написал, наконец, свою статью*» /19-7/П-03, Москва/; «*Но тем не менее тяжело уходить от исследований и мыслей о мерзлоте и льдах, где можно было бы сделать большой шаг вперед*»; «*Это первый раз в моей жизни, когда древность не вызывает во мне никакого волнения и влечения к себе.* / 1934. XII.14, Соловки/.

б) **зайствованные слова** (в том числе большое количество терминов, даже в письмах к детям): «*Пойми, что приступать к какой бы то ни было науке без предварительно приобретенного багажа неправильно, это ведет к мертвому и вредному балласту, и сразу не умея переварить его, учащиеся остаются навеки с засоренной го-*

ловойю. /к дочери Ольге, 1933. XI.12./, «*Биолиты — это понятие здесь основное, а понимать биолиты можно лишь в свете палеонтологии и биологии*» /к сыну Кириллу, 1933. XI.13./.

некоторые заимствования нередко употребляются в несвойственных современному русскому языку сочетаемости или значениях: «*...и, мне кажется, в этом году может обойтись без беспорядков; по крайней мере сейчас нет никаких симптомов.*»; «*Придется только готовить для него диапозитивы, т. к. некоторые чертежи играют роль картинок и должны быть красиво выполненными...*» /19-21/П. — 03, Москва/.

в) **разговорные слова и выражения**: «*...и на праздники было еще больше возни, чем в будни...*» /19-7/П-03, Москва/; «*висит на мне писание реферата для следующего собрания*» /19-31/П-03, Москва/.

г) **устойчивые выражения**: «*Если оно и расчистило почву, то само оно — не почва*» /19-21/П. — 03, Москва/; «*Ведь нельзя же закрывать глаза на факты из-за того только, чтобы подогнать всё по своей мерке...*» /19-21/П. — 03, Москва/; «*Эти дни я употребил время на продолжение работ по использованию аппарата,*» /1935. II.4., Соловки/.

Следует отметить, что в письмах П.А. Флоренского отдельные фрагменты текста представляют собой демонстративный материал по парадигматике русского языка (контекстуальная антонимия, синонимия), который к тому же отражает отношение адресанта к социальным явлениям: «*...Это, кажется, судьба всех порядочных людей у нас; сначала приходится ссориться с обществом, а потом между собою, и тяжело смотреть, как большая часть сил, почти все силы уходят на полемику вместо созидания, разрушение вместо построения, и ссоры вследствие нежелания понимать друг друга. Так постепенно разрушается, расшатывается духовный организм и теряется способность к росту и развитию*» /19-4/П-03/.

д) **стилистически окрашенные единицы**: «*Он очень стар и носит старинные круглые очки в черепаховой оправе, очень неудобные, так что ежеминутно они у него падают*

и попадают в рот» /19–8/III–03, Москва/; «Твое внимание поразило хаос. Но у Тютчева хаос, ночь, это корень всякого бытия, т. е. первичное благо, поскольку всякое бытие благо...» /1935. II.8, Соловки/.

2. Частеречная составляющая писем отражает максимальную реализацию каждой части речи. Многообразие грамматических форм и значений единиц языка позволяет автору-адресанту добиваться коммуникативной удачи, быть практически всегда понятым адресатом. Отдельные коммуникативные неудачи связаны с жизненными принципами и мировоззрением адресата(-ов), а не бедностью речи адресанта: «Мне кажется, всякое «да» просто претит вам, и хочется (именно хочется, т. к. часто бывает несколько не обосновано) отрицания всего, неопределенности и неоформленности.» /19–21/I.–03, Москва/; «Дорогая Олечка, ты просишь написать тебе о Тютчеве и Достоевском, которых ты неправильно объединяешь как единомышленников...» /1935. II.8, Соловки/; «Разработанный мною процесс, как показывают предварительные опыты, удался и с завтрашнего дня мы пускаем его в производство». /1935.11.11, Соловки/. Как видим, речевое поведение П.А. Флоренского включает и такие элементы риторики, как дискуссия, объяснение, убеждение и

Следует подчеркнуть, что динамика текстов создаётся за счёт большого количества глаголов, причастных образований, отглагольных существительных: «Пора уже действовать, а не заниматься разговорами о том, как, мол, хорошо будет действовать после наступления революции на Марсе и уничтожения обязательных лекций в университетах для баранов.» /19–21/I.–03, Москва/; «...Сейчас я получил возможность писать чаще, чем ранее, так что вы будете получать от меня известия по несколько раз в месяц...» /1934. XII.14, Соловки/.

Важное место в речевых произведениях А.П. Флоренского занимают наречия, в основном образа действия, а также прилагательные, причастия нередко с оценочными значениями, к тому же в функции субстантиватов: «Серое, бесформенное, неиндивиду-

альное, незаметное и витающее в воздухе – вот то, что должен ценить я, с вашей точки зрения. Это всё чистые отрицания, и для меня имеют значение только для оттенения всего положительного. Вы все великое хотите свести на малое, а я в том, что вы считаете малым, усматриваю признаки великого». /19–21/I.–03, Москва/; «По существу тут, в вопросе о водорослях и броне, очень много важного интересного, и притом тесно связанного с моими работами по электрическим материалам». /1934. XII.14, Соловки/.

3. Синтаксический строй писем реципиента так же разнообразен, как и лексический и морфологический. Простые и сложные предложения с разными видами связи, вводными и уточняющими конструкциями, ослужениями демонстрируют полную речевую компетенцию адресанта: «Все еще не знаю, смогу ли приехать домой к Пасхе, т. к. не решил вопроса относительно книг. Как-нибудь постараюсь устроиться, хотя не надеюсь на успех.» /19–17/III–03, Москва/; «С декабря по середину мая навигация на Соловки прекращается, сообщения нет, только почтовое, но неаккуратное.» /1934. X.24 [№ I], Соловки/; «Мне интересно знать, чем же ты будешь заниматься и что вынес ты из своей летней командировки.» /1936. II. 2-й час ночи. Соловки. № 43./; «Описание сев. сияния нарочно сделал тебе подробнее, т. к. наблюдения этого рода надо накапливать и закреплять». /1937.1.7. Соловки. №87./.

4. К особенностям речевого поведения о. П. Флоренского можно отнести регулярное обращение к аббревиации и сокращениям, как правило, традиционным: «Денег постарайся достать из «Техн. Энциклопедии»...» /1933. VII. 11, Лефортово/; «Меня занимает мысль о биокосмической функции различных типов хим. соединений» /1937.1.7. Соловки. №87./; «Столбы с СВ бывали светлее северо-западных...» /там же/; и традиционные: «т.н.», «т.к.», «и т.д.» и другие.

Любой текст письма П.А. Флоренского в целом демонстрирует правила совместной встречаемости (термин С. Эрвин-Трипп); имеются в виду правила соединения в одном контек-

сте тех или иных языковых единиц и свойств. «Типы этих правил включают: а) горизонтальные, определяющие отношения между единицами беседы во времени (их временную последовательность), и б) вертикальные, определяющие соотношения в данных коммуникативных условиях единиц разных уровней языковой структуры, которая в практике коммуникации определяется понятием уместности, необходимости, допустимости (со стороны адресанта и адресата).»

По нашему мнению, характер речевого поведения о. П. Флоренского вписывается в понятие централизованного, так как при централизованной коммуникации участники, создающие письменные тексты, ведут себя примерно одинаково, нередко реализуя один вид речевого поведения. Речевое поведение П.А. Флоренского можно отнести к кооперативно-актуализаторскому подтипу, который отражает высокий уровень коммуникативной компетенции реципиента. Такой вывод позволяет сделать наблюдение за языковой составляющей текстов писем П.А. Флоренского.

В письмах П.А. Флоренского чаще всего встречаются стратегии и тактики информирования, аргументации, воздействия на адресата, просьбы, привлечения внимания, характеристики и др. Поскольку одним из важных элементов описания речевого произведения является связность, обратим внимание на то, что письма П.А. Флоренского представляют собой единое речевое произведение, состоящее из фрагментов, связность которых как реализация основных коммуникативных целей распределяется во времени и пространстве.

Речевое поведение элитарной языковой личности, каковой, по нашему мнению являлся и является до сих пор о. П. Флоренский, способной к порождению адресных речевых произведений различных дискурсов с учётом уровня, возраста, социального статуса и положения адресата, можно соотнести с рационально-эвристической стратегией и кооперативному типу языковой личности (по типологии К.Ф. Седова). Нацеленность на коммуникативную удачу, интеракцию и перцепцию позволяло П.А. Флорен-

скому предупреждать в большинстве случаев неудачи в общении, выполнять по мере возможности социальные роли сына, мужа, отца реализую основное назначение человека – любить, заботиться о близких, оставаясь личностью во всех значениях этого научного термина.

Письма как речевые произведения, репрезентирующие языковые и речевые предпочтения homo scribens, позволяют проследить регулярность употребления определённых речевых клише, конструкций, которые повторяются в письменной речи П.А. Флоренского систематически («дорогой», «дорогая», «целую»; большое количество деминутивов: «Аннуля», «Тика», «Олечка», «мамочка», «Васюшка» и др.), демонстрируют речевое поведение элитарной языковой личности, способной сохранять высокий уровень речевой и общей культуры в любых социальных условиях.

References:

1. Valgina, N.S. Teorija teksta [Text theory], N.S. Valgina [Textbook]. – Moskva., Logos, 2003. – 250 p.
2. Vinokur, T.G. Govorjashhij i slushajushhij. Varijanty rechevogo povedenija [Speaker and listener. Variants of speech behaviour], T.G. Vinokur. – Moskva., Nauka [Science], 1993. – 172 p.
3. Zimnjaja, I.A. Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti [Speaker and listener. Variants of speech behaviour], I.A. Zimnjaja. – Moskva., Moscow Psychological and Social Institute. – Voronezh., NPO «MODJeK», 2001. – 432 p.
4. Karaulov, Ju.N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' [Russian language and linguistic personality]: monografija., Ju.N. Karaulov. – Moskva., Publishing house LKI, 2010. – 264 p.
5. Kosyh E.A. Vospitanie slovom (Rechevoj portret P.A. Florenskogo) [Education with the word (speech portrait of P.A. Florensky)], E.A. Kosyh., Filosofsko-pedagogicheskie aspekty vospitanija: teorija i metodika»: materialy nauchno-praktičeskoj konferencii., pod red. S.A. An [Philosophical and pedagogical aspects of education: theory and methodology: materials of

the scientific and practical conference., Edited by S.A. An]. – Barnaul., AltGPA, 2011. – 406 p., pp.198–205.

6. Kratkij psihologičeskij slovar' [Brief psychological dictionary], Editors A.V. Petrovskiy, M.G. Jaroshevskiy. – Moskva., 1985. – 430 p.

7. Panfilova, A.P. Delovaja kommunikacija v professional'noj dejatel'nosti [Business communication in professional activity], A.P. Panfilova: Textbook., – Saint Petersburg., Znanie [Knowledge], IVJeSJeP, 2004. – 495 p.

8. Prohorov, Ju.E., Sternin, I.A. Russkie: kommunikativnoe povedenie [Russians: communicative behaviour], Ju.E. Prohorov, I.A. Sternin. – Moskva., Flinta, Nauka [Science], 2006. – 238 p.

9. Sedov, K.F. Tipy jazykovyh lichnostej i strategii rechevogo povedenija (o ritorike bytovogo konflikta) [Types of language personalities and strategies of speech behaviour (about the rhetoric of everyday conflicts)], Voprosy stilistiki [Questions of stylistics]. – Issue. 26. Jazyk i chelovek [Language and people]. – Saratov., 1996., pp. 8–14.

10. Sedov, K.F. Rechevoe povedenie i tipy jazykovoj lichnosti [Speech behaviour and types of language personalities], Kul'turno-rechevaja situacija v sovremennoj Rossii [Cultural and speech-related situation in modern Russia], editor N.A. Kupina. – Ekaterinburg., Publishing house of the Ural University, 2000. – 379 p., pp 298–311.

11. Tolstoj, N.I. Jetnolingvistika v krugu gumanitarnyh discipline., Russkaja slovesnost'. Ot teorii slovesnosti k strukture teksta: Antologija [Ethnic linguistics in the circle of humanities., Russian literature. From the theory of literature to the structure of the text: Anthology], Editor. V.P. Neroznak. – Moskva., Academia, 1997. – 312 p.

12. Fedosjuk, M.Ju. Issledovanie sredstv rechevogo vozdejstvija i teorija zhanrov rechi., Zhanry rechi [Investigation of means of speech influence and the theory of speech genres., Speech genres]. – Saratov., College 1997. – Issue 1. – 212 p., pp. 66–88.

13. Formanovskaja, N.I. Rechevoe obshhenie: kommunikativno-pragmaticeskij podhod monografija [Speech communication: communicative

and pragmatic approach: monograph], N.I. Formanovskaja. – Moskva., Russkij jazyk [Russian language], 2002. – 216 p.

14. Chebotnikova, T.A. Rechevoe povedenie lichnosti v sisteme formirovanija social'nogo obraza (na materiale hudozhestvennogo diskursa) [Speech behaviour of an individual in the social image formation system (based on the artistic discourse)], T.A. Chebotnikova. – doctoral dissertation. – Cheljabinsk., 2012. – 340 p.

15. Shevarov, D. Vstrecha, pronizannaja razlukami. Otec Pavel Florenskij o svoih detjah [The meeting, permeated with separations. Father Pavel Florensky about his children], Access mode: <http://www.orthedu.ru/news/245-vstrecha-pronizannaya-razlukami-otec-pavel.html> (data sozdanija 21.08.2009, data obrashhenija 24.08.2016).

16. Jervin-Tripp, S. Jazyk. Tema. Slushatel'. Analiz vzaimodejstvija [Language. Subject. Listener. Analysis of interaction], Novoe v lingvistike [New in linguistics]. – Issue. 7: Sociolingvistika [Sociolinguistics]. – Moskva., 1975., pp. 336–362.

17. Jakobson, R.O. Lingvistika i pojetika [Linguistics and poetics], Strukturalizm: za i protiv [Structuralism: pros and cons]. – Moskva., Nauka [Science], 1975., pp. 193-230

Литература:

1. Валгина, Н.С. Теория текста [Текст], Н.С. Валгина: Учебное пособие. – Москва., Логос, 2003. – 250 с.
2. Винокур, Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения [Текст], Т.Г. Винокур. – Москва., Наука, 1993 г. – 172 с.
3. Зимняя, И.А. Лингвopsихология речевой деятельности [Текст], И.А. Зимняя. – Москва., Московский психолого-социальный институт, - Воронеж., НПО «МОДЭК», 2001. – 432 с.
4. Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст]: монография., Ю.Н. Караулов. – Москва., Издательство ЛКИ, 2010. – 264 с.
5. Косых, Е.А. Воспитание словом (Речевой портрет П.А. Флоренского) [Текст], Е.А. Косых., Философско-педагогические аспекты воспитания: теория и методика»: материалы научно-практической конференции., под ред.

С.А. Ан. – Барнаул., АлтГПА, 2011. – 406 с., С. 198–205.

6. Краткий психологический словарь [Текст]., Под общ. Ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – Москва., 1985. – 430 с.

7. Панфилова, А.П. Деловая коммуникация в профессиональной деятельности [Текст]., А.П. Панфилова: Учебное пособие. – Санкт-Петербург., Знание, ИВЭСЭП, 2004. – 495 с.

8. Прохоров, Ю.Е., Стернин, И.А. Русские: коммуникативное поведение [Текст]., Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – Москва., Флинта, Наука, 2006. – 238 с.

9. Седов, К.Ф. Типы языковых личностей и стратегии речевого поведения (о риторике бытового конфликта) [Текст]., Вопросы стилистики. – Вып. 26. Язык и человек. – Саратов., 1996., С. 8–14.

10. Седов, К.Ф. Речевое поведение и типы языковой личности [Текст]., Культурно-речевая ситуация в современной России., Под ред. НА. Купи-

ной. – Екатеринбург., Изд-во Урал, унта, 2000. – 379 с., С. 298–311.

11. Толстой, Н.И. Этнолингвистика в кругу гуманитарных дисциплин [Текст]., Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: Антология., Под ред. проф. В.П. Нерознака. – Москва., Academia, 1997. – 312 с.

12. Федосюк, М.Ю. Исследование средств речевого воздействия и теория жанров речи [Текст]., Жанры речи. – Саратов., Колледж, 1997. – Вып. 1. – 212 с., С. 66–88.

13. Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход [Текст]: монография., Н.И. Формановская. – Москва., Русский язык, 2002. – 216 с.

14. Чеботникова, Т.А. Речевое поведение личности в системе формирования социального образа (на материале художественного дискурса) [Текст]., Т.А. Чеботникова. – Дисс. на соиск. д. филол. наук. – Челябинск., 2012. – 340 с.

15. Шеваров, Д. Встреча, признанная разлуками. Отец Павел Флоренский о своих детях [Электронный ресурс]., Режим доступа: <http://www.orthedu.ru/news/245-vstrecha-pronizannaya-razlukami-otec-pavel.html> (дата создания 21.08.2009, дата обращения 24.08.2016).

16. Эрвин-Трипп, С. Язык. Тема. Слушатель. Анализ взаимодействия [Текст]., Новое в лингвистике. – Вып. 7: Социоллингвистика. – Москва., 1975. – 336–362.

17. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика [Текст]., Структурализм: за и против. – Москва., Наука, 1975., С. 193–230

Information about author:

1. Elena Kosykh – Candidate of Philology, Associate Professor, Altai State Pedagogical University; address: Russia, Barnaul city; e-mail: veko@mail.ru

A I C A C

AMERICAN INTERNATIONAL
COMMERCIAL
ARBITRATION COURT

The AICAC Secretariat

Tel: + 12 024700848

Tel: + 44 7429292337

e-mail: secretariat@court-inter.us

skype: court-inter

The American International Commercial Arbitration Court LLC – international non-government independent permanent arbitration institution, which organizes and executes the arbitral and other alternative methods of resolution of international commercial civil legal disputes, and other disputes arising from agreements and contracts.

The Arbitration Court has the right to consider disputes arising from arbitration clauses included into economic and commercial agreements signed between states.

Upon request of interested parties, the Arbitration Court assists in the organization of ad hoc arbitration. The Arbitration Court can carry out the mediation procedure.

For additional information please visit: court-inter.us